

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА. ЧАСТЬ 3

Петр Андреевич Вяземский
Старая записная
книжка. Часть 3
Серия «Старая записная
книжка», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24512681

Аннотация

«...Читал: Lex faux Demetrius, episode de l'histoire de Russie – par Prosper Merimee («Лже-Дмитрия» Проспера Мериме). В Париже говорил он мне, что занимается этим сочинением, недовольный решением загадки Самозванца русскими историками....»

Содержание

Книжка 15. (1853)	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Петр Вяземский

Старая записная книжка. Часть 3

Книжка 15. (1853)

Дрезден

Январь 1.

Читал: *Lex faux Demetrius, episode de l'histoire de Russie* – par Prosper Merimee («Лже-Дмитрия» Проспера Мериме). В Париже говорил он мне, что занимается этим сочинением, недовольный решением загадки Самозванца русскими историками.

12-е. В первый раз выпал порядочный снег. Все кругом бело. С отвычки тяжело глазам. Гулял по большому саду в снегу.

14-е. Читал в *Revue des Deux Mondes* статью *Vellemain* о генерале *Foy* и *Демосфене*. Французы не могут утешиться, что они лишены трибуны и способности болтать всенародно.

17-е. В квартете *Бетховена en E-moll* поразила меня рус-

ская мелодия святочной песни «Слава!» Липинский сказал мне, что это точно русская мелодия и квартет посвящен Ра-зумовскому.

21-е. Немцы не взыскательны. Шутка смешит их потому, что она шутка; умна ли, смешна ли, замысловата ли, до того дела нет.

27-е. Утром был у нас князь Михаил Радзивил из Парижа. Много подробностей об императрице, императорском романе. Во Франции им вообще недовольны, боятся власти ее над мужем, который в жену влюблен. В ней нет любви. Иные полагают, что она обратит его к блузам, если не к красным. Досада его на царей, отказавших ему в невесте. Salvandy говорит, что этот брак напоминает ему Лжедмитрия и Марину. Я тоже подумал.

Февраль 2-е. Настоящая зима. Довольно снега. Встретил санки.

6-е. Зима все здравствует. Известие телеграфическое о покушении на жизнь австрийского императора.

8-е. В утренней прогулке снег при солнце так и жег глаза. Вечером трагедия Шиллера Фиеско. Публика довольно республиканская, бросили венок Девриану. Выбор пьесы на

Королевском театре довольно странен после миланской передраги и покушения на жизнь австрийского императора.

11-е. Слышно, что Меншиков отправлен в Константинополь.

19-е. Кончил свою Масляницу на чужбине.

21-е. Из письма Булгакова узнал о смерти графини Виельгорской. Сегодня и для нас черный день.

25-е. Вчера праздновали масляницу блинами, изготовленными русским поваром Гайдуковым.

Речь царя Иоанна Васильевича при открытии Стоглавого Собора. Обычаи, которые порасшатались.

Март 3-е. В адресе колоний, кажется Антильских, Наполеону III сказано, что дядюшка его разносил Французские знамена от Нила до Невы.

4-е. Переписывал «8 января» (стихотворение).

9-е. Все заняты константинопольскими известиями и призывом флотов английского, французского и русского.

10-е. Вечером у Репниной. Письмо к ней Балабина о тор-

жественном приезде Меншикова, чего не видали подобного со времен приезда Репнина и Кутузова.

13-е. Прочел книгу Монталамбера о «католических интересах» в XIX веке. Дело в том, по мнению автора, что церковь может быть свободна и могущественна только при представительном правительстве; следовательно, до 1815 года церковь не жила. Хорошее заключение.

14-е. Церемония Христова Воскресения в Римском соборе, в четыре часа пополудни. Весьма не пышная. Прежде совершалась она ночью, но за беспорядками отменили.

21-е. У Бейста. Она сбивается на покойную графиню Вильгорскую в молодости.

22-е. Узнал о смерти Каратыгина. Прежде умерли Брянский и Гусева, и все трое от холеры. В Москве сгорел Большой театр. Слышно и о смерти Щепкина.

28-е. Сестра английского посланника Fordes, Аделаида (одна из страстей Байрона), говорила мне о каком-то английском романе Три Испанца, который будто бы служил основанием Гяура Байрона.

Апрель 9-е. Вечером были у Репниной. Видел у нее книгу:

Письма миссионера Макария.

11-е. Полторацкий в Париже.

13-е. Начало нашей страстной недели. Гулял в сосновом лесу. Вспоминал о Лесном институте. Читал Полтаву Пушкина. Как дарование его созревало и совершенствовалось с годами и как Полтава выше Кавказского пленника, Цыганов, Бахчисарайского фонтана. Два стиха только тут слабы: «Иль выйдет следствие плохое». Следствие тут тем хуже, что речь идет о следственном деле. И еще: «А волчьи – видишь: какова!» Явление Марии, сон ли Мазепы? Или сошла она с ума? Не ясно. Фантастические попытки неудачны у Пушкина. Например сон в Евгении Онегине. В первый раз Пушкин читал нам Полтаву в Москве у Сергея Киселева при Американце Толстом, сыне Башилова, который за обедом нарезался и которого во время чтения вырвало чуть ли не на Толстого.

17-е. Написал стихи к Вере Голицыной при отправлении моего портрета.

20-е. Получил письмо от Павла с известием, что жена его отправилась к сестре опасно больной в Берлин. Посылая стихи, я имел темное предчувствие, что могут придти они некстати.

21-е. Писал Булгакову с письмом Погодину о Ломоносове.

23-е. Вечером был у графини Динар, род дрезденской Марии Аполлоновны.

24-е. Кажется, наши турецкие дела плохо идут.

Май 8-е. Выехали из Дрездена утром. Обедали в Теплице, ночевали в Брюкене, Чешский Мосток. Говорят, что мы народ завоевательный, а мало ли мест, из коих вытеснены мы немцами.

9-е. Приехали в Карлсбад. Что скажешь ты мне, Карлсбад, в нынешний приезд?

28-е. По железной дороге отправился вчера в Прагу. Был у Ганки.

29-е. В 6 часов утра прибыли в Вену. Был у священника Раевского. Застал одну попадю. Видел место, где было покушение на жизнь императора.

30-е. Венский народ гуляка во всех слоях своих. Русская обедня. Раевский очень хорошо служит. С Парижа не слышал обедни. Тут был и наш парижский священник Васильев. Едет, кажется, в Петербург для принятия посвящения в про-

топопы. Он был напоминанием живым того, как я слушал обедню в Париже. Познакомился у Раевского с Вуком Стефановичем.

Август. Плавание до Венеции покойное и прекрасное. Светлый день, море тихое, то синее, то зеленое. Плыли шесть часов и прибыли в Венецию в полдень. В разные поездки написал, т. е. не написал, а надумал: Зонненштейн, Фрейнберг, Прага, Ночью на железной дороге, Дрезден.

* * *

Вскоре после освобождения Вены польским королем Собиеским Венецианская республика заключила союз с империей, Польшей и Россией и объявила войну Турции. При доже Сильвестре Вальеро (1694-1700) заключен был новый союз между Венецией, Польшей, Австрией и Россией при Петре I.

По его просьбе республика дала ему работников, которые построили много кораблей в наших портах. Мирным договором, заключенным в Пассаровитце, 21 июля 1718, Венеция отказалась от прав своих на Кандию и Морею, сохранив только острова Cerigo и Cerigotto и несколько укрепленных мест в Далмации и Албании. От сей эпохи начинается падение республики. Венеция имела многие торговые конторы в Азове и для охранения их заключила в 1281 г. договор с

Чингис Ханом. Республика отправляла каждый год четыре большие торговые флота под прикрытием вооруженных галер. Один из этих флотов доходил Азовским морем до устьев Дона. Туда приходили русские и татарские караваны с товарами по Каспийскому морю и вверх по Волге. (Из «Краткой истории Венецианской», сочинение А. Quadri.)

* * *

Венеция. Воскресенье 23 августа (4 сентября).

С приезда заходил я почти каждый день в базилику Св. Марка. Не видел еще Pala d'oro, византийская икона: она закрыта.

Не знаю, почему не показывали нам Piombi, но видели Pozzi. Страшное имя. Подумаешь, что заключенные точно содержались под водою в каких-то колодцах, а в сущности тюрьма как тюрьма.

На карте мира fra Mauro 1460 года означен мыс Доброй Надежды, тогда еще не открытый.

Был в публичном саду. Скачка. Молодые Санхо-Панца на каких-то Росинантах. Скачка на двухколесных колесницах. Тут по крайней мере есть какая-то местная краска, воспоминание и карикатура древних ристалищ. В Венеции лошадь и гиппическое представление редкость, род лодки в песках Аравийских.

Мост Rialto, сооруженный в 1591 году дожем Pascual

Cisogna (кого дом с резными окнами видел я сегодня на канале). Лидо с castello. S. Andrea. В крепость не входил, а видел море.

Остров св. Лазаря, Армянский монастырь Мекитаристов, от имени основателя Мекитара. Чисто и порядочно содер­жаный. Армяне отличаются между восточными племенами опрятностью и благочинием, по крайней мере в своих пуб­личных и церковных зданиях. В Пере Армянская церковь, за исключением посольских дворцов, едва ли не единственное чистое место; в Иерусалиме Армянский монастырь – тоже. Большая Египетская мумия; редкие рукописи, между про­чими Библия, писанная на армянском языке в Персии с пре­красными живописными изображениями. В рамке на паль­мовых листьях выложенных что-то писанное на бирманском языке. Стол, на котором Байрон учился армянскому языку.

С отцом Pascal Aucher, который ныне очень стар и разбит параличом. На приветствие мое ему, что он пользуется ев­ропейской известностью, отвечал он мне, что обязан тому путешественникам, которые слишком благосклонно о нем отзывались, особенно Байрону, напрасно преувеличившему трудность армянского языка. Aucher за старостью и дрях­лостью не служит уже отцом cisegone, а другого младшего то­варища его, Gregoire Alepson, нет теперь в Венеции; кажет­ся, он в Парижском Армянском институте.

Московский Лазаревский институт здесь известен. Хоро­шо устроенная типография. Я купил в ней армяно-русскую

грамматику, посвященную цесаревичу Александру Николаевичу. Посвятительное письмо изложено правильным и чистым языком; и молитву, изданную на 24 языках, и, между прочим, на иллирийском, русском и польском. Довольно дорого: грамматика стоит 10 франков, а полиглотное издание – 15. Впрочем, выручка этих книг идет на содержание учебного заведения, в котором воспитываются молодые армяне.

Путеводителем моим был молодой монах, уроженец Константинопольский. Довольно свободно изъясняется по-французски.

В близости монастыря проезжаешь, или правильнее, проплываешь мимо острова S. Servolo, на котором больница и дом умалишенных. Из решетчатых окон один из несчастных что-то кричал нам вслед.

Вчера лазил я на колокольню Св. Марка – восход солнца. Обширный вид. Городские каналы закрыты крышами домов, и тут не догадаешься, что город построен в царстве морском.

Сегодня, т. е. воскресенье, 23 августа, утром ходил я по набережной Giudecca, заходил я в церковь S. Sebastiano – особенно богата картинами Павла Веронеза. «Мучение Св. Севастьяна», «Св. Николай» Тициана. Тут погребен Веронезе и поставлен бюст его. Стены и потолок им же росписаны. На месте, где покоятся останки его, нет памятника, но самая церковь – лучший и собственноручный ему памятник. Памятники особенно нужны тем, о которых следует напоминать.

Церковь S. Angelo Raffaele – мадонна del Carmine – колокольная башня угрожала падением в конце XVI века. Архитектор Иосиф Сарди выпрямил ее в 1688 г.

Маленькая церковь S. Barnada. Где-то на площади заметил я на камне вырезанное слово *sacrum*. Мой гондольер Джузеппе сказал мне, что преступник, за которым гнались, был в старину неприкосновенным, когда удавалось ему ступить на подобный камень. На мосту, где в старину совершались кулачные бои двух враждебных, или, по крайней мере, междоусобных артелей гондольеров Castellani Nicoletti (первые были особенно под покровительством правительства, другие принадлежали народной партии), втиснуты четыре ноги, на которые становились бойцы. Перил тогда на мосту не было и побежденный часто падал в канал.

Сегодня первый день отдыха или роздыха после томительных жаров. Всю ночь дул ветер и воздух освежился. В первый раз мог я немного ходить и приняться за свой журнал, не утопая в поту.

15 августа. В день Успения были мы у обедни в греческой церкви Св. Георгия, построенной в 1550 г., знаменитым архитектором Sansovino. Во время служения играла на церковной площадке полковая австрийская музыка к соблазну православных. Ход вокруг церкви также при музыке. Архиерей благовидный старец. Сказывают, что великий князь Константин Николаевич велел списать для себя портрет его.

Меня не пропустили в алтарь, сказав, что одни духовные лица и австрийский император допускаются.

Два раза был я в театре Gallo A.S. Benedetto. В Италии и театры, как церкви, окрещены во имя какого-нибудь святого. Дают оперу Верди Attila и довольно плохо; но Итальянская опера в Италии, как ни будь посредственна, имеет особенно свежий вкус доморощенного молодого вина, которое пьешь на месте.

Теперь следует описать La piazza di S. Marco и ежедневные вечерние ее рауты и поименовать венецианские мои знакомства. Площадь, обставленная великолепными зданиями, с базиликой Св. Марка в оконечном углублении своем, конечно, картина величавая и поразительная. Предпочитаю ее днем, нежели вечером, особенно когда не светит месяц. Она не довольно освещена, хотя венецианцы и жалуются, что газ испортил их площадь и разорвал покров темноты, на ней лежавший и столь благоприятный любовным и прочим тайнам.

В Париже, в Лондоне, подобная площадь горела бы тысячами солнцев.

Другая невыгода: на площади летом и особенно в продолжение нынешних жаров – душно, как в законопаченной большой зале. Под открытым небом невольно думаешь: хорошо бы раскрыть окно. Жене вечерняя эта площадь напоминает залу Московского дворянского собрания с ступенями своими и галереями вокруг.

Третья невыгода – ужасная музыка вокальная и инстру-

ментальная, которая дерет уши по всем направлениям площади пред кофейнями, когда не играет полковая музыка. Странное дело, как музыкальная натура итальянцев производит подобных мучителей и выносит подобное мученичество. То ли дело, если раздавались бы тут звуки оркестров Карлсбадского Лабицкого, Дрезденского Гюперфюрста, Венского Штрауса.

Четвертая невыгода площади это стулья, на которых осуждены сидеть посетители. Эти стулья вроде каких-то пыточных козлов, на которые, вероятно, в старину Совет Трех сажал для допроса гостей своих. Впрочем, Тюльерийские стулья не лучше.

С изменением нравов эти площадные собрания потеряли свой характер поэтический и романтический. Сцена лучше и великолепнее, но действием это те же бульвары парижские. Мороженое – главный интерес. Теперь же высшее общество рассеяно и по большей части встречаешь среднее и низшее сословия и путешественников. Но и в многолюдные эпохи года, сказывают, все не то, что в старину. Тогда было несколько салонов в домах, окружающих площадь, и хозяйки и гости сходили на площадь как в свой сад, чтобы освежиться и прогуляться. После полуночи из театра все являлись на площадь. Теперь после 10 часов площадь пустеет. Венецианцы дуются на австрийцев, и нет никакого сообщения между ними. Они жалуются, что они убили их общезительную жизнь; кажется, жалобы не совсем справедливы.

Эта жизнь отжила свой век, преобразовалась как и везде. Разве парижские салоны те же, что в конце XVIII века? Не австрийцы же лишили венецианок хваленой их красоты. А теперь не встречаешь красавиц – иначе как в рамках знаменитых прежних художников.

Видно, и природа по эпохам истощается, и у нее бывают свои периоды либерализма и противодействия.

Напрасно клепаем мы на петербургский климат и на переменчивость его погоды, как будто ему исключительно свойственную. Третьего дня мы умирали от жара, днем жарились на солнце, а ночью разваривались в соку своем от духоты. Вчера было уже свежо, а сегодня (т. е. 24 августа/5 сентября) еще гораздо свежее, так что, может быть, и в Петербурге теплее. Со дня на день летнее платье заменяется суконными, поры сжимаются, и испарина обращается вспять.

Продолжаю, однако же, свои купания. Вчера в воде пополудни было 19? градусов тепла. Итальянцы уже перестали купаться, и вчера я один был на просторе, а то была настоящая толкотня в воде. Итальянцы очень возятся и забавляются в воде, как дети, иногда не очень вежливы и невнимательны к ближнему.

25 августа/6 сентября. Петербург продолжается: ветер свежий, дождь, вода из каналов выступает и заливают мостовую. Пред окнами нашими старуха остановилась пред этим разлитием: мужчина схватил ее в руки свои и перенес в сени

ближайшего дома. Вчера в темноту, в 12-м часу ночи ходил я вдоль Canal della Giudecca: волны плескали на набережную. Все пусто, встретил только двух людей. Сказывают, здесь совершенно безопасно ходить ночью по узким переходам и перепутанным закоулкам. Но чужестранцу надо иметь проводника, чтобы не затеряться.

Сегодня утром ходил я в церковь S. Тома. Во многих местах стены и потолок пробиты ядрами во время осады в последнюю революцию. Собрание святынь. Есть и собрание исторических автографов; но я не видел его. Проходил мимо дома Goldoni, в Calle Centani № 2369. Над дверьми изображение его в медальоне.

Мост della Donna Onesta. Каждый мост имеет свое предание и родословие. На этом месте была содержательница кофейного дома и честно торговала, посетители прозвали ее donna Onesta, и прозвание ее перешло к мосту...

Был в Chiesa del Santa Varia de Frari – обширный и великолепный храм.

Гробницы Тициана и Кановы – одна против другой. Памятник Фоскари (дожа) скоропостижно умершего, когда раздался звон колокола, возвещавший об избрании наследника его (1457 г.). Хоры (т. е. алтарь с местами, где сидит духовенство) прекрасной работы; резьба на дереве и штучная.

Памятник Кановы сооружен по его рисункам, которые он готовил для памятника Тициану. Это напоминает Requiem Моцарта, который, не угадывая того, сам себя отпел. Мону-

мент сей сооружен по Европейской подписке и стоил 102 тысячи франков (не много в сравнении с тем, чего стоят наши памятники в России, которые к тому же не умножают собою наличного капитала всемирных изящных богатств). В числе подписчиков упоминаются русский император, Голицыны, Демидовы, Разумовские, Аникьевы (вероятно, наша Ольга Дмитриевна). Этот способ предавать имя свое бессмертию, говоря: «И моего тут меда капля есть», гораздо понятнее и приличнее общей страсти путешественников пачкать стены скал и зданий уродливыми начертаниями имен своих. Иной с опасностью для жизни удовлетворяет этой страсти, карабкаясь Бог весть куда, чтобы только повыше и повиднее занести свою визитную карточку к бессмертию. Иному герою не нужно было более храбрости, чтобы пойти на приступ и водрузить на стене знамя победы.

При церкви есть здание для хранения государственных бумаг древних и новых; но архив этот, сказывают, недоступен посетителям. Тут, между прочим, и знаменитая Золотая книга.

26 августа/7 сентября. Годовщина Бородинской битвы. Надобно будет когда-нибудь записать мне этот оторванный листок моей жизни, который, как и многие другие листки, не вплетен в мою жизнь. Я часто замечал, что во многом я нравственно не доделан, а потому и действия мои какие-то обломки недостроенного здания.

Если декорация переменялась, и Венеция уже не смотрит Петербургом, то все еще крепко смотрит сентябрем. Утро было яснее и, казалось, ведро восторжествует над ведрами – но опять пошел дождь, загремела гроза.

Сегодня заходил я в церковь S. Maria del Rosario. Она славится своим огромным алтарем и картиною Тинторета «Cristo in croce e la Maria» – статуями и барельефами ваятеля Morleiter. Вообще во всех церквах изобилие мраморов в статуях, в колоннах, в помостах, изумительные.

Palazzo Foscari- теперь Австрийская казарма (так ли?). Некоторые дворцы напоминают Родосские дворцы, которые сохранили на стенах своих гербы прежних своих благородных властителей, а ныне заняты турками. Ныне заходил я в подобный palazzo со знаменитым гербом свидетелем лабазной торговли. Вчера видел другой дворец, где ныне ликерное заведение. Со времен республики сохранились в саду его при входе две большие куклы, солдаты, – но кажется, мундиры на них перекрашены на австрийский цвет.

Вчера купался в ванне, 20 градусов тепла, в заведении. Очень чисто и хорошо устроено. Проходил мимо театра della Fenice. Жаль, что не откроется прежде зимы. Прочел с учителем первую песнь «Ада» и нахожу, что довольно свободно понимается; французский перевод Ратисбона близок, особенно для французского перевода.

29 августа/9 сентября. Вчера в праздник Рождества Бого-

родицы был у обедни в церкви S. Maria del Rosario. Описал в письме к Тютчевой. Переписано в другую книгу. После ходили на Campo di marte, где бывают полковые учения и парады – и иногда до 12-ти штук конницы, говорил нам с некоторой самодовольной важностью наш гондольер. Тут же большая табачная фабрика, куда приходят на работу 1000 и более женщин, девиц и детей. Тут можно сделать смотр состояния женского венецианского пола, что и предлагал мне Брока.

Вечером был на piazza, где за дурной погодой не был несколько дней сряду. Сегодня Венеция принарядилась по-прежнему солнечным сиянием.

Тепло, а не душно. Я уже три раза купался в ванне от 20 до 22 градусов тепла.

Сижу в ванне 10-20 минут. Утром сделал пешком прогулку довольно значительную, особенно для Венеции не пешеходной, по riva degli Schiavoni; ходил и в Giardino Publico.

Наполеону во время своего беспредельного могущества захотелось посадить несколько волос на голове лысой Адриатической красавицы, и волосы принялись и уцелели лучше, нежели железная корона на собственной его голове. В этом саду есть зелень, есть тень, есть пригорки, все редкости и невидальщины в Венеции.

Дорогой заходил я в церковь S. Biagio, приход арсенала. Тут мраморный памятник великого адмирала Angelo Emo, работы Joseph Ferrari Torretti в 1792.

В его мастерской учился Канова. В этой церкви есть гре-

ческий придел для матросов греческого исповедания, но, вероятно, униатского. В одном Иерусалиме сходятся под одной крышей разноверческие исповедания.

Проходил мимо арсенала на обратном пути, видел наружные украшения. Четыре греческие льва Гиметского мрамора (близ Афин). Много толков и споров о местопроисхождении этих львов, но водворены они в Венеции Франческом Морозини Пелопонезским в 1687. На Венецианских площадях более львов, нежели в Парижских салонах.

В Albergo Reale Danieli (бывшем pallazzo Bernardo Mocenigo) был я у М. Nordin. Тут же стоял и general Changarnier. Хотелось идти к нему, но посовестился. Политические известности, если не знаменитости, не то, что литературные и артистические, к которым доступ всякому свободен. Впрочем, он в тот же день уехал. В гондоле ездили мы с женой к леди Соррес, к старухе Больвиллерс (сестра покойного Убри), к графине Туркул, и занес я карточку к comte de Dameto, камергеру de l'Infant d'Espagne в палаццо Rezzonico, купленном или нанятом инфантом. Дон Карлос живет в Триесте.

30 августа/11 сентября. По воскресеньям маленький пароход отправляется в 9 часов утра в Chioggio, три часа плаванья мимо множества островов: Malamocco, Pelestrina и проч., мимо здешней Китайской стены Murazzi.

Все эти острова связаны с историей Венеции. Киожжио

имеет также своих львенков, свою пиаццу, или большую, довольно широкую улицу, свои каналы и мосты.

Первое мое впечатление было удивление слышать хорошую музыку. Я думал, что это полковая, но привлекаемый звуками вошел я в большую залу della municipalita, где происходила проба вечернего концерта. Большой оркестр, составленный из городских дилетантов, разыгрывал на духовых инструментах с отменной стройностью и увлекательностью разные музыкальные пьесы.

Главная церковь славится своим baticterio и кафедрой. Не знаю, часто ли с пользой и назидательностью действует последняя, но крестильница в большом употреблении. Я имел случай проверить лукавые и эпиграмматические отзывы Jules Lecomte (Venise) о плодородии киожжиоток. Менее нежели в полчаса принесли для окрещения трех младенцев в деревянных ящиках со стеклами. На замечание мое одна из молодых крестных матерей с улыбкой созналась, что нет опасения, чтобы киожжиотское народонаселение скоро перевелось.

Женский пол и мужской славятся здесь красотой. Женщины носят белые покровы, которые с поясницы поднимают они на голову – вроде турчанок, но лица не закрывают. Тициан любил искать здесь свои подлинники, и несчастный Leopold Robert перенес отсюда на холстину прекрасные типы картины своей «Le depart du pecheur de l'Adriatique».

В лодке отправился я в Sutto Marina, где обыкновенно здо-

ровые и красивые девы и жены служат гребцами, тогда как отцы и мужья их сидят себе или лежат в лодке. Прежде кио-жжюты и сутто-маринцы, разделенные пространством версты, жили между собой во вражде, как добрые соседи, но последняя революция прекратила это междоусобие, как и то, которое существовало между Nicoletti и Castellani.

Ходил по Murazzi, устроенном тремя террасами. По одну сторону море плещет и воет, по другую молчание и спокойствие. Даже почти не слышать, что за перегородкой делается. На улице в Chioggia нашел два народные сборища: в одном несколько человек сидя слушали чтение «Orlando Innamorato». Чтец громогласно читал, с большим жаром и жестами, подкрепляя чтение объяснительными комментариями. В другой группе, менее многолюдной, чтец читал также с телодвижениями и словесными комментариями, историю Наполеона, и, между прочим, о назначении Фоу-ке (Фуке) министром полиции. Толпа, составленная преимущественно из рыбаков, здесь и там слушала, казалось, внимательно. Слушательниц не было. Они расхаживали по улице или сидели в церквах. Тут отыскал я Италию с ее красками и обычаями.

На обратном пути ветер довольно поднялся, и итальянцы надевали теплое пальто, подымали воротники и окутывали шею шарфами и платками, как у нас в зимнюю вьюгу. В стороне Виченских темных гор разлилось море огня, и на нем отделялось одно облако точно образующее корабль

с пламенной хоругвью. Никогда не видал я подобной фантастической картины. Уже недалеко от Венеции возвышается из воды маленькая часовня с лампадой перед образом Богоматери, которая (т. е. лампада) служит, вероятно, и маяком для пловцов.

Прекрасная мысль и умилительное сочетание! Piazzetta – красавица, убранная и украшенная для вечернего приема гостей своих ожерельем блестящих огней, которые ярко отражались в зеркальном лоне воды, красовались и пылали перед нами. Но я не поддался зазывам ее, возвратился домой к вечернему обеду и рано лег спать, потому что порядочно устал. На пароходе были с нами две гамбургские красавицы, вероятно, старозаветного происхождения с матерью. В конце плавания нашего обменялся я с ними несколькими словами.

31 августа, 1, 2, 3, 4 сентября. В эти дни я два раза был в Accademia di belle arti. Сей музей основан в 1807 и особенно содействием графа Leopold Cicognara (в здании прежней Scuole di Carietà). Картина «Успения Богородицы» Тициана. Находят, что Богоматерь слишком дородна. Копия с этой картины работы Schiavoni-сына должна быть в Петербурге. Картины Беллини и Vivarini.

Списки с них, может быть, с некоторыми православными изменениями, очень прилично украшали бы наши храмы. Вообще жаль, что и в сооружении храмов наших не держатся строже рисунка и пропорций итальянских храмов, особенно

венецианских, также приноравливаясь к требованиям нашего служения. У нас при каждом сооружении храма хотят что-нибудь выдумать нового или так устроить подражание старому, что обыкновенно выходит аляповатая и какая-то обрубленная нескладница. В архитектуре главное и необходимое условие: соблюдение размеров, т. е. стройность. Всякое отступление от надлежащего размера – то же, что фальшивые звуки в музыке. Видел церковь S. Antonia, где почивает Св. Савва Иерусалимский (Муравьев в письмах из Италии). В этой церкви происходила драма ворвавшегося слона.

Не пишется, – да и полно. Писал большое письмо Булгакову, отпечаток венецианских впечатлений.

10(22) сентября. Поехал после обеда в Lido. Царь-солнце великолепно лег на золото-багровом ложе, и темные Тирольские Альпы прекрасно рисовались из-за этого яркого грунта. Восхождение царицы-луны долго прождал я, прохаживаясь по уединенному песчаному берегу. У нас нет слова для plage (пляж) и greve. Мой Брока восхищался твердью, усеянную звездами, и припоминал стихи из Тасса. Море с известною и невыразимою мелодией своей разбивалось о берег и замирало в песке. Наконец взошла луна, несколько уже изувеченная и убывающая.

Возвратился и причалил к пиаццете около 10 часов вечера. На Лидо сторожа при купальных будках ожидали в полночь англичан, которые обещались приехать купаться, и рас-

сказывали мне про житье-бытье, доброту и щедрость герцога Брауншвейского, который имеет летний дом на Лидо, но нынешнее лето не приезжал – к прискорбию бедных, сказал со вздохом старый сторож.

Вчера, в пятницу, был я в мастерской Nerly, пейзажиста. Картины его – венецианские виды; и одна, возвращение с уборки винограда, находится в петербургских дворцах. Он живет в Pallazzo Pizani, в тех же покоях, в которых несчастный Леопольд Роберт лишил себя жизни. Он женат на побочной дочери Муруцци, который, недовольный этим браком, по личной причине, говорит скандальная хроника, оставил все свое огромное богатство родственнице своей жены.

Был еще в ателье сына Schiavoni: дописывает копию с Белини – Богоматерь, апостол Петр, Захарий в красной одежде, Екатерина, а для нашего императора – прекрасную картину его композиции – портрет маленькой княжны Четвертинской. Знаменитого колена (в письме к Булгакову) не видел за отсутствием отца. Vogel, приятель Жуковского, фотографировал портрет Лизы (Валуевой). Нерли сделал для Жуковского вид из комнаты, которую занимал он в приезд свой в Венецию с цесаревичем.

На днях был в Pallazzo Pizani (другой Пизани), славящейся картиной Павла Веронеза: семейство Дария у ног молодого Александра. Признаюсь, сердце и глаза мои не лежат к этим картинам из Роллена и нашего московского Черепанова, вероятно, потому, что я в них толку не знаю. Тут же

группа Дедала и Икара, одно из первых произведений резца Каковы, а в Pallazzo Treves (бывшему палаццо Emo, если верить Costode) последние произведения Кановы: две статуи Гектора и Аякса; но по другим сведениям, статуи 1808-11 годов, а только куплены были нынешним их хозяином после смерти Кановы.

Treves de Bonfil, банкир из евреев, славится благотельностью своей к единоверцам и христианам. Тут же в кабинете его много маленьких картин новейших художников, между прочими вид пиаццы зимой, подсыпленной снегом. Видел палаццо герцогини Беррийской. Много исторических достопримечательностей старинных и современных, особенно семейных. Тут древность содержится со вкусом и блеском новейшего времени. Только в Венеции и жить этим пережившим себя величиям и властям. Вольтер в Кандиде своем давно и пророчески указал им этот ночлег. Старик на Schiavoni на свои заработанные деньги купил один из дворцов Giustiniani. В другом палаццо Giustiniani жил Шатобриан на пути в Иерусалим и строго отозвался о Венеции, на что отвечала m-me Renier Michiel, автор книги «Венецианские праздники». Schiavoni-сын сказал мне, что все рассказанное Arsene Houssaye (в брошюрке Voyage a Venise) о посещении его в их мастерской, сушая небылица. Этим болтунам французам непременно нужно сочинять и лгать: одной истины для них недостаточно.

Галерея pallazzo Barbarigo (Barbarigo alia terazza) куплена

нашим императором. Алексей Перовский также купил здесь богатые произведения, которые после перешли к Дмитрию Бутурлину.

13 сентября. Вчера был в театре S. Samuele. Опера Пури-тане и между актами балет Gisella, которые мы сократили прогулкой и мороженым на piazza.

Спектакль кончился около часа пополуночи. Едва ли слушать Рубини и смотреть на Тальони стало бы терпения, но слушать и видеть карикатуры их не по силам. Впрочем, prima-donna недурна. Праздник в церкви S. Zassaria. Вечером музыка и освещение на Riva degli Schiavoni и в боковой улице. Много народа; венецианцы веселятся тихо и чинно: сидят за столиками или расхаживают мерным шагом.

14-е. Опоздал к обеду в греческой церкви. Праздник Воздвижения Креста. Были в храме Santi Giovanni e Paolo. Граф говорит, что это Венецианский пантеон. В одном окне живописные стекла – редкость в Венеции, работы Jerome Mocetto по рисункам В. Vivarini. Гробницы многих дождей: Michel Morosini, Leonard Loredano, Andrea Vendramini etc. Мавзолей Agnes Venier, супруги дожа Antoine Venier. Богатая capella del Rosario – мраморные барельефы. Рядом с храмом гражданская больница, бывшая прежде confrerie de S. Marc. На площадке конная статуя Barthelemi Colleoni, полководца, умершего в 1475 г.

Храм Dei Gesuiti, построенный в прошедшем столетии. Богатство и отделка мраморов изумительные, с инкрустациями. Словно занавесы и ковры, а все мрамор – мраморный ковер у алтаря так обманчив, что примешь его за клеенку, коими постилают у нас полы.

«Le Martyr de S. Laurent» Тициана имел честь служить военной добычей французам от 1797 до 1815 года всеобщей ликвидации. Монумент дожа Pasqual Cicogna, заживо воздвигнувшего себе лучший памятник построением моста di Rialto. Гид сказал мне, что тут похоронен последний дож Manini. Но в путеводителе я не нашел того. Во всяком случае, этот великолепный храм был бы достойной гробницей республики и ее последнего представителя.

Торетти, учитель Кановы, умер в нищете и просил милостыню. Канова ничего ему не завещал. Так, по крайней мере, сказал мне мой Брока. Был в Casa di Ricovero. Более 800 старцев обоего пола (женщин более, нежели мужчин) содержатся здесь на иждивении частных благотворений. Большие залы опрятные, воздух чистый. Капитал около 6 млн. австрийских лир. Жены и мужья, когда те и другие в числе призреваемых, имеют позволение сходить только раз в неделю. Но нет опасности, чтобы народонаселение этого заведения размножалось вследствие таковых свиданий: бедные, принимаемые в нем, должны быть не моложе 60 лет. Раз в месяц имеют они позволение выходить со двора. Такой странно-приимный дом и в подобном размере был бы везде весьма

замечателен, и в особенности в павшей Венеции.

Для павшей Венеции еще очень примечательно, что она едва ли не одна во всей Австрийской империи не принимает в обращение австрийских ассигнаций, а платит все свои повинности чистоганом. Вследствие чего и казна должна рассчитываться с нею одной звонкой монетой. Вот особенное выражение и протест оппозиционного духа.

17-е. Вчера был в pallazzo графа Шамбора. Не так великолепен и богат убранством и художественными произведениями, как маменькин дворец. Есть картина, представляющая, кажется, римский монастырь и собрание монахов, писанная герцогиней Беррийской, и если нет тут участия кисти царедворческого учителя, то герцогиня имеет замечательный талант.

18-е. Был в Лидо на стороне крепости. Довольно древесно и зелено старое Английское кладбище. Надобно освежить память свою идиллиями – насчет Лидо (Карамзин не допускал галлицизма насчет).

22-е. Тезоименитство австрийского императора. Обедня с музыкой и с присутствием властей в церкви S. Marco. Полуторжество. Главный праздник – день рождения его. Не было парада и даже войска. На piazza мало народа.

23-25-е. Встреча и знакомство с отставным палачом, которого принимал я за нищего и которому давал милостыню. Впрочем, он точно беден, стар и дряхл. Надобно с ним короче ознакомиться и проведать его подноготную.

Видел я в S. Магсо отпевание священника, которого после понесли в гробе на гондолу и отвезли на кладбище на остров. Последняя прогулка венецианцев в гондоле.

От Адлерберга получил я ответ из Ольмюца с разрешением государя остаться за границей. Говоря о вечном восточном вопросе, Стюрмер сказал мне, что Орлов, вероятно, лучше, нежели Меншиков, уладил бы дело. Он турок хорошо знает, говорил Стюрмер. Не знаю, как с англичанами и французами, но с турками я сам согласен, что лучшего полномочного, во всех смыслах полномочного, придумать нельзя, как Орлова. С турками должна быть у нас и дипломатика азиатская, которая, впрочем, нам очень сродни. А мы отказываемся от своей полуазиатской природы и дипломатизируем на французский и английский лад, отчего и действуем несвободно и вяло и уступаем первенство англичанам и французам. Недаром есть у нас татарщина, которая должна была бы сблизить нас с турками. Русская тонкость, лукавство, сметливость, сами собою из каждого умного русского делают дипломата. А мы свою дипломатию вверили совершенно антирусским началам. Что может быть противоположнее русскому какому-нибудь тщедушного Брунова? Ни капли русской крови, ни единого русского чувства нет у него в груди. Мо-

жет быть, он не продаст Россию, но верно выдаст ее, частью ведением, частью неведением; неведением потому, что он не понимает России, что никакая русская струна не звучит в сердце его. Неведением, потому что где ему отгрызаться зуб за зуб с Пальмерстоном, который должен давить его и сгибать в три погибели своим барством и высокомерием. Ему ли... передавать звучный и богатырский голос русского царя, например, в настоящем восточном вопросе? Что поймет он в чувстве народного православия, которое может ополчить всю Россию. Все это для него тарабарская грамота. И во всем восточном вопросе неминуемо, невольно он, как маркиза Капельбажак (в Карлсбаде), видит одно опасение лишиться своего посланнического места. Это натурально, и винить его в том было бы несправедливо... У Нессельроде, хотя и нельзя сказать Нессельрода, есть по крайней мере русские меринсы на Святой Руси. Стало быть, он прикреплен к русской земле. Но у этого... бобыля Брунова нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.